

—

Когда они прибыли, они плыли на лодке, и всё шло гладко, так что они быстро добрались до места назначения.

На обратном пути они сопровождали заключённых, за ними тянулась длинная колонна. Все они были людьми, и количество пройденного за день пути было ограничено, поэтому скорость значительно снизилась.

Они часто разбивали лагерь под открытым небом, иногда из-за погоды заходили в город, а войдя в город, должны были принимать визиты местных чиновников.

Все эти многочисленные дела в совокупности, естественно, значительно замедлили обратный путь.

Честно говоря, постоянно сидеть в карете тоже довольно неприятно.

Поездка в карете была не очень устойчивой; несколько дней ещё можно было выдержать, но со временем это становилось невыносимым. Если не хотелось ехать в карете и предпочиталось верхом, то через несколько дней гарантированно стирались внутренние стороны бёдер.

Но даже так, Сяо Шань всё равно считал, что это лучше, чем ехать на лодке.

По крайней мере, он мог есть и его не тошнило постоянно.

Таким образом, страдающий от морской болезни Сяо Шань мог только чередовать езду в карете и верхом, стараясь не отставать.

Скорее доставить этих преступных чиновников в столицу, чтобы не беспокоиться ни о чём по пути, и все могли бы расслабиться.

В эти дни Сяо Шань особенно восхищался Се Чжуем. Этот человек, прошедший крещение битвой, был спокоен и уравновешен, будь то верхом или в карете. Однако, вспомнив, что это спокойствие было завоёвано шрамами на теле Се Чжужа, Сяо Шань почувствовал одновременно восхищение, гордость и какую-то необъяснимую боль в сердце.

Самая горькая и изнурительная жизнь у пограничных солдат.

Но не у каждого в этом мире сердце сделано из мяса.

Иногда некоторые министры при дворе всячески пытаются заполучить военную власть, для этого они могут манипулировать жалованьем пограничных солдат, урезая его, или не выдавать зимнюю одежду в лютые морозы, и даже покушаться на жизненно важные продовольственные запасы, заставляя солдат сражаться на голодный желудок.

Количество погибших и раненых солдат немедленно становится доказательством для нападения на других, чтобы свергнуть их с должности. В глазах этих людей есть только их собственная власть, положение и мирное процветание, полное песен и танцев.

Им совершенно безразлично, какой жизнью живут пограничные солдаты.

Очевидно, что именно эти люди защищают их беззаботную жизнь, но им всё равно, что очень извращённо.

В костях солдата выгравирована верность правителю и любовь к стране; они умирают на поле битвы, их тела заворачивают в конские шкуры, иногда они погибают не от рук врагов, а от интриг своих же людей.

Коварные министры с самого начала стремились к интригам и власти; им совершенно безразличны чужие жертвы и кровопролитие.

К счастью, его отец был достаточно проницателен в больших и важных вопросах и придавал большое значение военному жалованью на границе, поэтому никто не осмеливался легко наступать на мозоль.

Сяо Шань всегда считал, что если правитель страны безразличен к солдатам, проливающим кровь для её защиты, то её падение не за горами. Эта мысль для других была очень крамольной, но он думал именно так.

Поэтому он искренне восхищался такими людьми, как Се Чжуй, защищающими границу.

А поскольку Се Чжуй был его супругом, их отношения были ближе, чем с другими, и всякий раз, когда он думал об этом, к восхищению добавлялись и другие чувства.

Се Чжуй не знал мыслей Сяо Шаня. Он знал, что Сяо Шань не хочет сидеть в карете и не хочет продолжать ехать верхом, поэтому он сказал, чтобы утешить его: «Большая часть пути пройдена, тебе осталось потерпеть ещё немного».

В карете было только двое, и по их договоренности, он должен был называть Сяо Шаня по имени.

Однако снаружи кареты были только телохранители, и Цзи Ань правил лошадьми за занавеской, поэтому Се Чжуй не назвал Сяо Шаня по имени.

Сяо Шань откликнулся.

Увидев, что ему удалось успокоить Сяо Шаня, Се Чжуй почувствовал облегчение.

В следующий момент он снова подумал о Се Чэне. Се Чэнь не присоединился к ним в Янчжоу, чтобы вернуться в столицу, как обещал. Вскоре после того, как они покинули Лянчжоу, Се Чэнь прислал письмо, в котором говорилось, что у него есть дела, и ему нужно остаться в Янчжоу на некоторое время.

В письме Се Чэня не было сказано, что случилось, посланник лишь передал, что с ним всё в порядке, но Се Чжуй всё равно очень волновался.

Сяо Шань, увидев его таким, хотел было выделить нескольких телохранителей, чтобы они поехали в Янчжоу и защитили Се Чэня, но Се Чжуй в итоге отказался.

Он подумал, что Се Чэнь наверняка не захочет, чтобы рядом с ним было несколько незнакомцев.

К счастью, Се Чэнь попросил передать, что будет присылать ему письмо каждые десять дней, чтобы он не волновался, и что он вернётся в столицу максимум через три месяца, что немного успокоило Се Чжуя.

В то время Сяо Шань утешал его, говоря: «Раз уж старший брат так сказал, значит, наверняка есть хорошие новости».

Се Чжуй сказал: «Надеюсь, что так».

Он надеялся, что на этот раз это будут хорошие новости, и что Се Чэнь сможет снова увидеть свет. Если это действительно так, он был бы готов ждать не три месяца, а три года.

Однако готовность ждать не означала, что он не волновался.

Сяо Шань, увидев Се Чжуя таким, вдруг улыбнулся.

Се Чжуй поднял голову, глядя на него, его глаза были полны недоумения, словно он не понимал, над чем тот смеётся.

Звёздные глаза Сяо Шаня светились улыбкой: «Мне просто забавно. Сначала ты меня утешал, а теперь, видя твое неважное настроение, я, естественно, тоже хочу тебя утешить. Если мы так будем продолжать туда-сюда, то, боюсь, вся дорога до столицы пройдёт во взаимных утешениях».

Се Чжуй: «...»

На самом деле так и есть.

Но и в этом нет ничего плохого.

«Да, в этом нет ничего плохого. Совместная жизнь в паре должна быть прожита именно так, чтобы она была наполнена смыслом». Услышав Сяо Шаня, Се Чжуй понял, что высказал всё, что было у него на сердце.

«Совместная жизнь», — сердце Се Чжуйя слегка дрогнуло от этих слов, и он спросил: «Какую жизнь желает прожить Ваше Высочество?»

Сяо Шань, услышав в его словах обращение «Ваше Высочество», с полуулыбкой взглянул на него дважды, затем прислонился к стенке кареты, с улыбкой на губах, устремив взгляд вверх, и, покачиваясь на ухабистой дороге, неторопливо произнес: «Я хочу такую жизнь, когда я могу пить, когда захочу, есть мясо, когда захочу, в свободное время запускать птиц и устраивать петушинные бои, никого не раздражая, и чтобы никто не раздражал меня. Конечно, рядом должен быть человек по душе, и когда скучно, мы будем путешествовать вместе, будь то плавание на лодке по озеру или ночёвки в диких горах».

Если бы сейчас ему дали веер, он был бы вылитым щеголеватым и романтичным молодым господином.

Се Чжуй хмыкнул и отвернулся, сказав: «В этом мире много людей, которые хотели бы быть близки с Вашим Высочеством. Ваше Высочество наверняка добьётся желаемого в будущем». На самом деле, ему очень хотелось спросить, если это «близкий человек», то только один ли, и будет ли это доверенная особа женского пола или кто-то другой.

Но он чувствовал, что сейчас этот вопрос задавать неуместно, и, когда слова уже были на языке, он заменил их на что-то другое.

Сяо Шань рассмеялся: «Близкий человек, близкий человек, главное — в душевной близости. В этой жизни достаточно встретить одну родственную душу».

Се Чжуй откликнулся, на его жёстком и решительном лице не было никаких других выражений.

Сяо Шань шевельнул губами, но ничего больше не сказал.

С их нынешними отношениями с Се Чжуем, их действительно нельзя было назвать родственными душами. Однако он надеялся, что однажды они смогут достичь такого уровня. Произносить такие слова не имело смысла, лучше было промолчать.

—

Когда они наконец ступили на землю столицы, Сяо Шань впервые почувствовал, что этот город так приветлив.

Он тосковал по мягкой кровати в княжеском поместье, по пирожным, приготовленным Сяхэ, по разнообразным блюдам, приготовленным шеф-поваром княжеского поместья, он тосковал по жареному цыплёнку из таверны Танцзи и по хорошему вину из таверны Люсянь.

Прибыв сюда, Сяо Шань сменил паланкин, в карете остался только Се Чжуй.

В десяти ли от столицы их встречали чиновники из Министерства обрядов, а также Сяо Цзинь, Сяо Жун и Сяо И.

Сяо Шань и Цзун Цин вышли из паланкинов и быстро подошли.

Сяо Жун, вспомнив о заслугах Сяо Шаня, выглядел скверно и недовольно. Сяо И чувствовал себя неловко при виде Сяо Шаня. Оба стояли молча.

Сяо Цзинь был самым взволнованным.

Увидев, как Сяо Шань и Цзун Цин отдают поклоны, Сяо Цзинь поспешно велел им встать. Сначала он поблагодарил Цзун Цина за его службу, а затем сказал, что император ждёт их во дворце. Когда он говорил это, на его губах играла лёгкая улыбка, он постоянно смотрел в лица собеседников, его манера была неизменно мягкой и вежливой, а жесты — изящными и благородными, что создавало ощущение огромной значимости.

Цзун Цин поспешно ответил, что не смеет, и, поблагодарив за императорскую милость, встал в сторону.

Только тогда Сяо Цзинь посмотрел на Сяо Шаня, внимательно осмотрел его с ног до головы и с лёгким вздохом произнес одно слово: «Похудел».

В этот момент Сяо Шань не только сильно похудел, но и держался из последних сил; было видно, что он многое пережил.

Сердце Сяо Цзиня наполнилось всевозможными чувствами.

Сяо Шань пощупал свою руку и улыбнулся: «Второй брат тоже это заметил. Я очень сильно пострадал во время поездки в Лянчжоу. Второй брат, пожалуйста, пришли мне несколько тонизирующих средств, чтобы я хорошо поправился, иначе вся эта потерянная плоть не вернётся».

Слова Сяо Шаня немного улучшили его горестное настроение. Он тихо рассмеялся: «Хорошо-хорошо, я тебе возмещу, я тебе возмещу. Посмотри, что тебе понравится в моей сокровищнице, и просто возьми».

Стоявший рядом Сяо Жун, видя, как непринуждённо и искренне они разговаривают, не мог не сказать ехидно: «Наследный принц и третий брат, какая же у вас глубокая братская любовь! В сокровищницу наследного принца может войти только третий брат, а у нас, других братьев, такого счастья нет».

Выражение лица Сяо Цзиня слегка помрачнело, он посмотрел на Сяо Жуну и спокойно сказал: «Мы все братья, если старшему брату действительно чего-то не хватает, попроси у меня, и я немедленно пошлю человека, чтобы доставить». Слово «попроси» прозвучало очень резко.

Сяо Цзинь мог бы сказать: «сообщи мне» или «скажи мне», но он намеренно использовал слово «попроси».

Попросить, выпросить, выклянчить — всё это подразумевает «попроси».

С тех пор как с Лю Цзинсюанем случилась беда, настроение Сяо Цзиня было неважным. Теперь, увидев Сяо Шаня таким, он почувствовал сильную горечь в сердце. Сяо Жун в этот момент намеренно наступил на его болезненную мозоль, и он не мог не ответить.

Талантливый Сяо И, обладающий обширными знаниями, услышав эти резкие слова, невольно хотел отстраниться.

Хотя Сяо Жун не был силен в учёбе, он умел различать приятные и неприятные слова. Столкнувшись с таким непрямым, но твёрдым отказом от Сяо Цзиня, его лицо сразу же стало выглядеть не очень хорошо.

Прибывшие чиновники опустили головы и стали серьезными, как куры, ищущие рис.

Открытое противостояние между принцами им было неудобно, и они не осмеливались вмешиваться в него публично.

Сяо Шань был слишком уставшим, он уже держался из последних сил, и если так продолжится, он не знал, когда сможет попасть в город. Он повернулся к Сяо Жуну и сказал: «Старший брат, я похудел, и второй брат так расстроен, что собирается прислать мне тонирующие средства. А ты, я смотрю, за время нашего отсутствия сильно поправился, лицо округлилось. Тебе нужно поменьше есть тонирующих средств и сбросить вес. Чтобы быть здоровым, нужно иметь подходящий вес».

Сяо Жун: «...» Кто заговорил о весе?

Он поправился, потому что Сяо Шаня не было в столице несколько месяцев, он жил припеваючи, был в хорошем настроении и с хорошим аппетитом.

Теперь, когда Сяо Шань вернулся, он снова убедился, что ненавидит Сяо Шаня. С этим человеком он мог бы есть на две чашки меньше.

Сяо Шань не обращал внимания на то, что тот бормотал про себя, и, повернувшись к Сяо Цзиню, сказал: «Второй брат, отец-император ждёт доклада господина Цзуна, давайте поскорее въезжать в город».

Чем раньше они войдут в город, тем раньше смогут вернуться и отдохнуть.

Сяо Цзинь сказал: «Верно, в город».

Разговаривая и отвечая друг другу, они совершенно проигнорировали Сяо Жуна.

Стоявший рядом Сяо И съёжился, его присутствие становилось всё более незаметным.

Сяо Шань, войдя в город, не пошёл сразу во дворец. Он сказал Сяо Цзиню, что Цзун Цин лучше всех знает о делах в Лянчжоу, и он не будет вмешиваться.

Он был весь в пыли, и входить во дворец в таком виде было бы невежливо. Он вернётся в княжеское поместье, переоденется, а затем отправится на аудиенцию к императору.

Сяо Цзинь кивнул и посмотрел, как тот садится в карету и уезжает.

Сяо Шань и Се Чжуй вернулись в княжеское поместье. Он принял ванну, переоделся и съел две пирожные, приготовленные Сяхэ, прежде чем отправиться во дворец.

Перед уходом он сказал Се Чжую: «Сегодня я, возможно, вернусь поздно. Ложись спать пораньше, завтра тебе нужно будет идти во дворец, чтобы поприветствовать мою мать».

Се Чжуй кивнул, глядя, как тот уходит.

Когда Сяо Шань пришёл к императору Сяо Шэну, Цзун Цина уже не было.

У Сяо Шэна было много вопросов к Сяо Шаню, но, увидев его, он воскликнул: «Почему ты так похудел?»

Когда Сяо Цзинь сказал, что Сяо Шань похудел, он не придавал этому большого значения.

Но увидев его вживую, когда-то статный и красивый князь Ли теперь был так худ, что кожа буквально обтягивала кости.

Красивые черты лица остались, но жизненного духа не было.

Сяо Шань, услышав слова императора, даже прослезился. Он, глядя на Сяо Шэна, не мог не посетовать: «Отец-император, ваш сын на этот раз очень сильно пострадал...»

Этих слов он не мог сказать Сяо Цзиню, потому что Сяо Цзиню было бы больно.

Но императору он рассказывал с таким воодушевлением, что хотелось преувеличить свои страдания в десять раз.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282529>